

Введение: Поверх барьеров

Марианне Лильестрем

Конструирование господствующего знания...

Комментируя прекрасную статью Миглены Николчиной «Запад как интеллектуальная утопия» в журнале «Гендерные исследования»¹, Аленка Зупанчич отметила, что для западных мыслителей политическая и идеологическая реальность «другого пространства», т.е. сам факт существования такого пространства, открыл своего рода реальное измерение, «свободную территорию» внутри самого западного мира, его бытия и мышления. Сказанное относится и к Востоку². Место/пространство, созданное фантазией о Другом внутри западных обществ, перестало существовать, подобно тому как вследствие крушения государственного социализма исчез и один из ключевых критериев либеральной западной идентичности. Сегодня «представители Востока» устремляются на территорию, свободную от их предыдущего символического присутствия, тогда как «представители Запада» (и среди них феминистки) под флагом толерантности и понимания, связанных с призывом к культурному релятивизму, движутся в противоположном направлении опасного, но экзотического и мистическим образом безмерного «другого пространства» локальной посттоталитарной реальности.

Интригующим и многообещающим является не только вопрос о том, как эти обстоятельства влияют на современную политическую, социальную и культурную жизнь и преобразуют дихотомию Восток/Запад, но и о том, как они формируют возможности для транснациональных феминистских дискурсов и новых способов производства феминистского знания. Именно в таком контексте поиск различных современных форм сближения и феминистской коммуникации стал широкомасштабной задачей международного семинара «Гендер по-русски: преграды и пределы», организованного в рамках проекта *Contrasting Russian Others: Gender and Nationality in Cultural, Historical and Literary Discourses of the 20th Century* и проведенного в Твери в сентябре 2004 года.

Главным вопросом, поставленным в ходе международного междисциплинарного, культурно ориентированного проекта, является исследование того, как

русский гендер производится посредством различных пересекающихся дискурсов в историческом период, обозначаемый как двадцатое столетие. Участники проекта ставят задачу исследования повторяющихся гендерных символов, ценностей и практик, их трансформаций в разные исторические периоды и переломные моменты и в разных условиях, которые диктуются конвенциями различных жанров, институтов, социальных движений, а также зависят от предпочтений различных индивидуумов. Главная проблема, объединяющая десять индивидуальных проектов, - это вопрос о процессах «инаковизации» (*othering*) как культурнодинамическом механизме. Фокусируясь на анализе нарративов, риторики, символов, воспоминаний и социальных практик, мы стремились исследовать разные формы культурной инаковости в национальном и националистическом дискурсах в историческом контексте, сосредоточивая свое внимание, прежде всего на отношении женского авторства (женской подписи) к мужской норме и деятельности мужчин и женщин в профессиональной сфере в диахроническом разрезе.

Несмотря на международный состав проекта (ученые из Финляндии, Германии и России), он строится на основе традиций западных региональных исследований. Однако, исходя из представлений о том, что гендер создается социальными и культурными технологиями иерархично и асимметрично, изучая, каким образом, какими путями гендер пронизывает дискурсы и практики, определяющие человеческую жизнь, и отслеживая многочисленные изменения гендерных репрезентаций, проект одновременно содержит жесткую критику андропоцентризма и гендерной слепоты в региональных исследованиях. Тем самым мы пытаемся внести свой вклад в дискуссию по принципиальному вопросу о том, *как* осуществляется производство знания о вечно взаимосвязанных и иерархичных различиях и «инаковостях». Таким образом, проект стремится деконструировать формы знания и гендерных эпистемологических связей, задаваясь вопросом о том, обладание *каким именно знанием* позволяет определенным знатокам, носителям знания говорить о других, вместо других и для других; каким образом «где-то» находящийся исследователь из этой своей позиции должен изображать других близкими и в то же время сохраняющими свою чужеродность, и как такой исследователь в свою очередь становится профессиональным чужаком, «иноземцем» в среде, где другие консолидированы в родственной близости.

...и господствующего феминизма

Недостаточная артикулированность проблемы местоположенности исследователя ощущается и в феминистских студиях на Западе³. В основе работ многих феминисток лежит разделение на «нас» и «их», и «иное» - «русская

женщина» - создается в процессе производства знания как эффект одновременно и включения, и исключения категории инаковости. Таким образом, авторы такого рода работ познают факты и события через других и позволяют этим другим, «им», войти в «наше» эпистемологическое сообщество в качестве обобщенных образов. Привязанная к бинаризму Восток/Запад, инаковость оборачивается проблемой, которую «мы» должны решить.

Границы национальных государств или географических образований, таких как «Запад», конечно, всегда являлись вымышленными. Однако современные масс-медиа в своем стремлении к универсализации и глобализации образов и объектов, в то же время создают и укрепляют подобные воображаемые границы, а, следовательно, и распределение власти. Власть, иерархия и авторитарность обнаруживают себя, например, в том, какое место снисходительно «жалуют» русскому феминизму: его «ссылают» на ранние стадии «нашей» истории, он воплощает то, чем «мы» были когда-то, до того, как развились до более высоких стадий феминизма и постмодернизма.

Различие между «ними» и «нами» позволяет «западному феминизму» конституировать себя не только как идеал и образец (*telos*), к которому другие женщины должны стремиться, чтобы уподобиться «нам», но и как реальность, настоящее; то есть, «мы» можем быть гарантией не только того, чем «другой» является сейчас, но и того, чем или кем этот другой станет в будущем. Пересозданные симпатией и сознанием различия в предмет изучения, они (другие) становятся для западных феминисток, средством самопознания снабжая «нас» тем, чего «нам» не хватает.

С другой стороны, российские феминистки, в настоящее время участвующие в живой и новаторской дискуссии о перспективах развития гендерных исследований в России, зачастую стремятся конструировать «нас», феминисток Запада, как однородное эпистемологическое сообщество, что, например, продемонстрировали некоторые участники семинара в Твери⁴. В отдельных докладах и выступлениях можно было увидеть тенденцию к пониманию истории феминизма в свете эволюционизма и даже телеологии своего рода неизбежной глобализации позднемодечного развития. В рамках такого подхода Россия рассматривается как страна запоздалой модернизации и, следовательно, по выражению Н.Пушкаревой⁵, как имеющая шанс использовать «готовые результаты» западного прогресса. С ее точки зрения, освоение западных интеллектуальных практик происходит в России со все возрастающей скоростью. Однако ускорение приводит к разнородности дискурсивных подходов, к стремлению посредством адаптации этих новых концепций запечатлеть собственный познавательный и культурно-исторический опыт. Разнообразие подходов, которые Анна Тёмкина называет «дискурсивным хаосом», ситуацией, когда одновременно классические и пост-классические теории участвуют в дискурсе в качестве особых фрагментов, сформировало своеобразную конфигурацию,

включающую в себя множество различных толкований, разных теорий и методологий, прежде всего западных, более или менее адаптированных к русскому контексту⁶.

Многие в то же время подчеркивают, что проблемы теории и методологии в российских феминистских исследованиях связаны прежде всего именно с формами и способами адаптации «заимствованных», т.е. «чужих» или «зарубежных», концепций и опытов. С точки зрения Надежды Павловой, в настоящее время идет процесс активного заимствования российскими учеными гендерной терминологии. Однако ей кажется почти несомненным и не требующим примеров, что «в связи с этим нередко возникает впечатление неотработанности в использовании некоторых ключевых понятий феминистской теории»⁷. С другой стороны, некоторых беспокоит, что чересчур поспешная адаптация западной феминистской методологии в российские исследования приводит к тому, что игнорируется значение ранних стадий развития западного феминизма, например, в филологии - работа, посвященная выявлению роли женщин в литературных исследованиях, которая базируется на сборе свидетельств российских авторов-женщин, составлении словарей, библиографий, публикации текстов и критических антологий⁸. В то же время некоторые видят в ситуации «отставания» от Запада определенную выгоду для российских гендерных исследований. Запаздывание может дать шанс избежать ошибок западных феминисток-предшественниц, таких, например, как абсолютизация некоторых подходов к пониманию гендера, по мнению Натальи Блохиной, имевшая место на определенных эволюционных этапах (каких, она, к сожалению, не уточняет) гендерных исследований на Западе⁹. В отличие от Запада, где, как пишет Блохина, в настоящий момент полезность понятия гендер ставится под сомнение, в современном российском контексте этот концепт может стать для академической среды критическим стимулом и новаторским импульсом.

В этих дискуссиях и утверждениях образ западного (англо-американского) феминизма мыслится во всем многообразии перспектив, но все же как однородная и эволюционирующая концепция, основанная на самоочевидных, всеобщих, принятых на веру толкованиях ее содержания и стадий ее развития. Непроблематизируемая дихотомия Запад-Восток становится исходным пунктом, из которого высвечиваются разные углы конструкции российских гендерных исследований. образу Запада придается монолитность для того, чтобы на этом фоне продуцировать национальные отличия и особенности.

Что делать с различиями?

Но здесь может возникнуть интересный и провокативный поворот темы: нельзя ли понимать различия в обозначенном выше контексте и условиях ско-

рее как методологическую и исследовательскую *проблему*, а не как ее разрешение. Чтобы избежать хождения по кругу, когда дискуссия сводится к подтверждению уже изначально известного, представляется необходимым сконцентрировать внимание не на воспроизводстве унифицированного и упрощенного дуализма, а на рассмотрении процессов, производящих и передающих различия. При этом надо не исходить из априорного предположения, что «другие» находятся далеко в прошлом, но переосмысливать написанные ранее повествования и истории сближений и столкновений. Таким образом, становится возможным рассматривать различия в водоразделе Восток-Запад в исторической перспективе.

Следовательно, необходимо обратить внимание на набор существующих в сфере различных бинарностей позиций, установок, которые порождают тексты разного типа. Среди них можно выделить «текст неучастия, отказа», (*manuscript of denial*), в котором национальные, расовые, этнические, сексуальные и классовые различия могут иметь риторическое значение, но, в общем-то, оставлены без внимания¹⁰. «Текст обвинения» (*manuscript of accusation*) - это своего рода ответ на первый и - соответственно - он содержит разработанные в рамках феминистского анализа принципиально новые концептуализации репрессирующих систем различного типа¹¹. Но в связи с растущим пониманием знания как ситуационного и неполного, очень заметным в современных феминистских исследованиях становится «текст признания, раскаяния» (*manuscript of confession*), в котором феминистки направляют обвинения на самих себя и который являются своего рода ответом на второй вид текста.

Для того чтобы проблематизировать эти рукописи, необходимо, *во-первых*, раскрыть, разоблачить направляющий и контролирующий характер эволюционистских представлений о феминистском исследовании, которые рассматривают его в качестве монокультурного феномена, чья история описывается как односторонний процесс развития, трактуя возникновение феминизма как линейный переход от премодерна к модерну и постмодерну. Предполагается также, что постмодернизм (рассматриваемый автономно и без всякой критики «извне» воображаемого пространства Запада) открывает простор для разнообразных других (*others*). Подразумеваемая открытость нарратива парадоксальным образом раскрывает его собственную закрытость.

Во-вторых, предметом исследования должны стать смысловые несовпадения в обозначении различий, их подсчете и теоретическом осмыслении в одном локальном контексте (например, финском) по сравнению с другими.

В-третьих, «толерантность» по отношению к другим и внимание, им уделяемое, следует понимать как вопрос власти, иерархии и ситуативности. Подобное «толерантное» и снисходительное представление затрудняет анализ того, каким образом различные системы дифференциации связаны внутри конструкций опытов идентичности и субординации.

В-четвертых, важно отметить, что в определенных дискурсах различий, и особенно, в вышеупомянутых типах текстов, потенциальная общность женщин, находящихся в разных, несопоставимых положениях, может быть скрытой и невидимой.

Деконструкция четких границ между различными способами феминистского мышления и феминистской генеалогии, с эпистемологической и политической точки зрения требует критического подхода, который одновременно базировалось бы на гиноцентрических традициях и принимал во внимание новые постмодернистские дискурсы. Такая позиция мотивируется тем, что, с одной стороны, любой научный метод неизбежно делает акцент на одних категориях, умалчивая о других, и, таким образом ясно представляет одни контексты, отодвигая другие на задний план. С другой стороны, эпистемология всегда политична, а знание - ситуационно, производство знания всегда осуществляется с определенной позиции и концентрируется на определенных, специфических областях и связях материала изучения. В феминистских дискурсах различий с их сосредоточенностью на гендерных, сексуальных, расовых, этнических, национальных, религиозных, классовых и других идентификациях, принцип сходства, единообразия в этом разнообразии различий исчезает в дискуссии об идентичностях. Важно отметить, что это замалчиваемое тождество возникает в промежуточном, пограничном пространстве различий. Таким образом, взаимодействие между культурными значениями идентичностей зависит от колебаний тождества и различия, которые имеют место в исторически и культурно различных контекстах властных отношений.

Следовательно, пересекающее границы феминистское сотрудничество и дискуссию не следует ограничивать только описанием различий, нужно сделать предметом теоретического обсуждения область промежутка между различиями, с целью обнаружить места, где эти различия сходятся. Нам следует продемонстрировать, как конкретные различия становятся контекстуально значимыми. Тогда их можно будет анализировать как конструкции и структуриации социальных отношений, понимая эти различия именно как сами отношения, а не как основу для них. В то же время важно обратить внимание и на то, как различия оцениваются - таким образом учет разнообразия понимается как исследование формирования ценностей и норм.

Поскольку гендер не является изолированной категорией, но всегда артикулируется в сочетании с другими различиями, необходимо задаться вопросом, - каким образом национальность, этничность, раса, религия, телесность, сексуальность и - в этом ряду - гендер приобретают привилегированный статус. Кажется важным, чтобы этические и вызывающие острую эмоциональную реакцию вопросы изучения различий осуществлялись с помощью концепции позиционированного чтения и ситуативного исследования.

Новые феминистские транснациональные эпистемологические сообщества

Я считаю, что нас должно тревожить существование глобального феминизма, который остается верным универсалистскому языку. Но, как отметила Ирина Жеребкина, не меньшую тревогу должен вызывать и локальный феминизм, который заводит любой диалог в тупик непреодолимого релятивизма¹². В то же время, перевод теории и практики из одного контекста в другой - это огромный вызов¹³. Необходимо подумать о том, с помощью каких интеллектуальных схем можно разъяснить, как можно понимать отсутствие гендера и сексуальности в различных контекстах, но так, чтоб сделать ударение на объединяющем нас историческом опыте и дискурсивных связях поверх границ¹⁴. То есть, различия как знаки власти определяются не в пространстве особого или универсального, а скорее в жесткой определенности их исторических взаимоотношений¹⁵.

Донна Харауэй подчеркивала, что по причине многомерности «топографии субъективности» знание и взгляд также всегда многозначны. Познающий женский субъект всегда является неполным, не сшитым наглухо, он остается всегда не завершенной конструкцией. Именно поэтому такой субъект способен соединяться с другими женскими субъектами и постигать вещи совместно с другими, не будучи вынужденным быть другим¹⁶. Эльсбет Пробин выразила схожую мысль, подчеркивая, что феминисткам нужно создавать такие способы мышления и точки зрения, которые были бы отмечены знаком «мы». Подобные модусы мышления не будут скрывать или исключать способы, которые позволили бы «другой женщине» понимать предметы или то их многообразие, что формирует основу сообщества¹⁷.

Какими мы представляем себе интеллектуальные сообщества, множество «мы» транснационального феминизма? Как мы должны общаться в контексте существования мигрирующих понятий и интердисциплинарности? Какой способ коммуникации нужен нам для производства феминистского знания, если мы представляем его как калейдоскоп сообществ-во-взаимосвязи, не предполагая, что их позиции идентичны? Как можем мы исследовать мультитимпные связи и строить интеллектуальные диалоги, которые шли бы в обход существующих и утвержденных институциональных рамок и сценариев, как выразилась об этом Шохат¹⁸. Помимо рассмотрения вопросов о границах и ограничениях «гендера по-русски», семинар в Твери побудил меня к размышлению об этих наслаивающихся сверху вопросах коммуникации.

По мнению Сары Ахмед, коммуникация всегда включает в себя работу с «тем, через что не удастся перебраться» или с тем, что необходимо скрыть¹⁹. Айрис Марион Янг, в свою очередь, предположила, что этика общения начина-

ется с признания асимметрии «Я» и «Другого»²⁰. То есть, Янг отказывается от представления о том, что эта этика должна включать в себя отношения симметрии. Янг развивает понятие асимметрии, считая, что «условием нашего общения является признание различия, дистанции, и что за душой у других есть свои призраки и истории, шрамы и травмы, которые не присутствуют в процессе коммуникации между нами»²¹.

Можно сказать, что опасно использовать принцип сближения или дистанцирования как основу этики по принципу «либо-либо». Феминистской этике, которая выбирает в качестве отправной точки дистанцию, не хватает признания включенности «Я» в состязание, дуэль, не хватает признания ответственности «Я» перед тем, с кем оно ведет диалог. Этическая коммуникация - это нечто такое, где сопрягаются близость и дистанция, - как утверждает Сара Ахмед. Мы приближаемся к другому настолько близко, чтобы можно было бы прикоснуться к тому, что трудно выразить словами. В таком сближении «я» не остается неподвижным, не сохраняет безопасную дистанцию²².

С помощью диалога, в котором обе стороны - мы и они - внимательно вслушиваются в речи друг друга - мы можем разрушить прежние дихотомические идентификации, при которых другие мыслятся как «что-то иное». Но, с моей точки зрения, очень важно, чтобы обе стороны понимали, что слаженное, единое «мы» эпистемологических сообществ всегда является воображаемым и, следовательно, это «мы» не устраняет различия, а возникает в них и через них.

---

¹ Николчина Н. «Запад как интеллектуальная утопия», *Гендерные исследования*, №12, 2004, с. 5-27.

² Зупанчич А. «По ту сторону фантазматического зеркала (ответ на статью Миглены Николчиной „Запад как интеллектуальная утопия“)», *Гендерные исследования*, №12, 2004, с. 28-30.

³ См. среди прочих, например, R. March, «Introduction», in R. Marsch, ed., *Women in Russia and Ukraine* (Cambridge University Press, 1996); L. Racioppi and K. O'Sullivan See, *Women's Activism in Contemporary Russia* (Temple University Press, 1997).

⁴ См. материалы семинара, URL: <<http://tvergenderstudies.ru>>.

⁵ Жеребкина И., Пушкарева Н., Кон И., Тёмкина А. Обсуждение темы «Проблемы и перспективы развития гендерных исследований в бывшем СССР», *Гендерные исследования*, №5, 2000.

⁶ Там же.

- ⁷ Павлова Н. «„Terminological Trouble“: литература в дискурсе феминистской критики», *Гендер по-русски: преграды и пределы*. Материалы международного семинара, Тверь, 10-12.09.2004, URL: <<http://tvergenderstudies.ru>>, с. 91-97.
- ⁸ См. статью Евгении Строгановой в настоящем издании.
- ⁹ Блохина Н. «Об исторической ограниченности гендера», *Гендер по-русски: преграды и пределы*. Материалы международного семинара, Тверь, 10-12.09.2004, URL: <<http://tvergenderstudies.ru>>, с. 37-48.
- ¹⁰ С. Mohanty, «Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses», *Feminist Review*, 30, 1988, pp. 61-88.
- ¹¹ A. Lorde, *Sister Outsider: Essays and Speeches* (Crossing Press, 1984).
- ¹² Жеребкина И. Гендерные 90-е, или фаллоса не существует (СПб: Алетейя, 2003), с. 246-248.
- ¹³ Барчунова Т. «Перевод и дискурсивное конструирование научного сообщества (на примере гендерных исследований)», *Гендер по-русски: преграды и пределы*. Материалы международного семинара, Тверь, 10-12.09.2004, URL: <<http://tvergenderstudies.ru>>, с. 49-74.
- ¹⁴ Cp. E. Shohat, «Area Studies, Gender Studies, and the Cartographies of Knowledge», *Social Text*, 72, vol. 20, No.3, 2002, pp. 67-78.
- ¹⁵ S. Ahmed, *Strange Encounters* (Routledge, 2000), pp. 8-9.
- ¹⁶ D. Haraway, *Simians, Cyborgs and Women. The Reinvention of Nature* (Routledge, 1991), p. 193.
- ¹⁷ E. Probyn, *Elsbeth, Sexing the Self. Gendered Positions in Cultural Studies* (Routledge, 1993), p. 4.
- ¹⁸ E. Shohat, *ibid.*, p. 69.
- ¹⁹ S. Ahmed, *ibid.*, p. 155.
- ²⁰ I.M. Young, «Asymmetrical Reciprocity: On Moral Respect, Wonder and Enlarged Thought», *Constellations* 3:3, 1997, p. 3.
- ²¹ *Ibid.*, p. 3.
- ²² S. Ahmed, *ibid.*, p. 157.